

В ПОИСКАХ СОЛНЦА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Том I

18+

Paul Bashni

В поисках солнца. Том 1

<https://litres.ru/74482967>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир мёртв. Над пустошью стоит вечный пепел, солнце давно не пробивается сквозь тучи, а люди уподобились грызущим друг друга животным. Ганс - обычный парень из некогда спокойной общины, но трагедия пришла и в его дом, теперь ему приходится выживать, обрести семью, врагов, искать ответы и смысл борьбы.

Содержание

Пролог	4
Глава 1 Всё только начинается	6
Глава 2 часть 1 Зарождение зверя	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Paul Bashni

В поисках солнца. Том 1

Пролог

Пролог

В 3000-х годах остались только отголоски давно остывших войн и конфликтов. Последний крупный конфликт был лишь лет сто назад – то было страшное время, бойня последних общин, кланов, банд. Сейчас уже всё не так. Некоторые кланы покрупней и влиятельней образовали синдикат, устроившись в средних слоях нынешнего общества. Кланов, имевшие когда-то власть над целыми континентами, объединились и создали две стороны: «Империю» (о них мало кто знает, только то, что это генератор указов, норм и правил в средних и высших слоях) и «Федерацию» – милитаризованную правящую структуру; все органы так называемого «правопорядка» подвластны ей. А остальные, кто выжил до начала тихой жизни, остались в низших слоях, пока синдикат организовывал небольшие города с какой-никакой экономикой, а правящие структуры были буквально выше всех, паря на огромных летающих городах-крепостях. «Дети тишины», или же просто бродяги, жили на почти пустынной

земле в бедных поселениях, отстроенных из оставшихся обломков давно ушедшей эпохи.

Тёмные пустоши были полигоном для выживания. Небо скрыто под тоннами радиоактивного пепла. Пока верховные общины строили парящие над поверхностью искусственные острова, на поверхности, где обитали низшие существа, всё лежало в руинах. Опасные для жизни условия, радиация, пепел давали людям два пути: погибнуть сразу или адаптироваться.

Спустя долгие годы люди стали привыкать к условиям жизни. Некоторые защищались от радиации и пепла специальным оборудованием – они стали создавать новые общества, а остальные просто мутировали, став жителями пустошей, зачастую агрессивными и деградирующими.

Но высшие не оставят в покое жителей поверхности и постоянно отправляют разной степени силы отряды на зачистку, потому что понимали: даже от насекомых может быть угроза. Чистильщики жестоки, лишены морали и преданны своим офицерам.

Глава 1 Всё только начинается

После войны люди, которые ещё не потеряли рассудок, много лет создавали общество – спокойное общество, где каждый трудится, чтобы выжить. Жители чувствуют себя в безопасности, так как уровень радиации не столь высок. Круглые сутки в городе темно из-за пепла: солнца нет, и растения приходится выращивать под специальными лампами.

Старейшинами выступают Первостроители, Ветераны и их потомки. Дом Меркуль – самая старшая семья общины, её представители отвечают за безопасность обитателей посёлка. Дом Версаль следит за припасами. Дом Эрп – это работяги, немаловажное звено. Представители этого дома: шахтёр Вольф, его жена врач Софа и их сын Ганс, кормящий свою общину, иногда подрабатывающий в мастерской.

Каждый вечер Ганс встречает караваны, чтобы купить припасы, продать разное оборудование, сделанное из всякого хлама, и послушать истории. Так как в караванах были в основном старики, истории были увлекательные.

– Ганс! Торговцы едут! – крикнул один из караульных.

Парень впопыхах выбежал на встречу каравану. Он всегда ждал их прибытия и любил слушать разные истории и новости из других общин. Радужно встретив путников, парниша провёл их в поселение, приготовил места для отдыха у кост-

ра и устремился на кухню, чтобы приготовить ужин.

Старики расселись у костра. К ним стягивались люди, оставив свои заботы; даже тех, кто спал, разбудили. Так же подошли и представители домов.

– Хорошо у вас, тихо, – сказал караванщик, глотнув воды из фляги, что достал из своего плаща.

– Для безопасной жизни нам этого вполне хватает, – ответил механик, осматривающий транспорт торговцев.

– Господа, вы путь держите откуда? – раздался хриплый, слабый голос из толпы. Это был мужчина с седой бородой, всем видом показывая свой статус мудрого старика, явно заставшего конец войны.

– Мы держим свой путь из общины Раам. Уже ночей пятнадцать в пути. Недавно узнали от другого каравана, что его разнесли по камушку «псы». Когда-то это было нашим родным поселением, – ответил торговец, задумчиво смотря в тёмное небо.

– «Псы»? – поинтересовался старик с седой бородой.

– Да, «псы». Что-то вроде патрульных-чистильщиков. Мрази ещё те...

Вскоре подтянулся Ганс с едой. Все поужинали, потравили ещё байки из былых времён и легли спать.

Утром, когда караван уже отъехал, все вернулись к своим делам. Ганс собрался уйти на вылазку в окрестности. Собрав всё необходимое – пыльный тканый мешок и тормозок – оставалось только получить добро от отца и старейшины.

Отца не было – видимо, ушёл на охоту. Тогда пойду сразу к старейшине. Ганс встретил старейшину на площади и попытался отпроситься.

– Нет, – строго прохрипел старик.

– Почему нет? Я уже взрослый, хищников в округе давно уже нет.

– Помнишь, что говорили караванщики о «псах»?

– Ой да ладно вам, старейшина! – закатив глаза, возмутился Ганс. – Они же не вчера появились. До этого мы вообще о них не знали. Единственное, что знаем о них, – это что они в пятнадцать ночей отсюда, на транспорте!

– Ох, дитя, я просто хочу, чтобы у нас всегда было тихо и мирно. Пожалуйста, иди, если так хочешь, но запомни... если что-то случится – это на твоей совести. И ещё: я всё равно доложу твоему отцу об этом. – Старейшина махнул рукой и ушёл в свои покои.

К вечеру Ганс, уже облазивший округу и собравшийся домой, присел отдохнуть.

– Так, ну для первого раза неплохо: полезная растительность, лечебные травки и питательные корешки и ягоды. Жаль, ничего редкого не нашёл... Ну зато хлам собрал и даже попалась древняя электроника. Всё-таки я лучше ищу такие мелочи, чем старики.

Парень сел у мёртвого дерева и решил перекусить перед возвращением.

Вдруг из кустов послышалось шуршание. Ганс насторо-

женно притих. Звук усиливался, и из кустов выполз человек – весь грязный, в каких-то лохмотьях, с марлевой повязкой, закрывающей дыхательные пути, и раненный весь. От слабости он еле передвигался.

Парень отложил свой перекус и подбежал к бедолаге.

– Хм... Раны не серьёзные, но, видимо, он истощён.

Ганс достал из мешка фляжку с водой, снял с незнакомца повязку и напоил его.

– Ох, и всыпят же мне дома, но не бросать же тебя тут...

Отдав раненому свой респиратор, Ганс взгрузил его себе на спину, схватил свой мешок и направился в посёлок.

В доме старейшины стояло напряжение. Софа сидела у очага с задумчивым выражением лица, будто глядя глубоко в свои мысли. Она всегда была умная и рассудительная женщина с «холодной головой» и никогда не паниковала. Старейшина глядел в окно, всматриваясь в темноту. С виду он был грозным стариком, но в глубине души волновался за каждого поселенца.

– Несносный мальчишка! Вот у меня получит, когда вернётся! – нервно наматывая круги, бубнил себе под нос Вольф.

– Успокойся и сядь на место. Утром организуем поиски, – спокойно произнёс старейшина, и отец парня послушно, но недовольно буркнув, сел напротив своей супруги.

Вдруг старик резко вышел из дома, увидев на горизонте две фигуры. Вольф только хотел сорваться с места, но его

остановила жена.

– Я прошу тебя, спокойнее будь. Не руби с горяча. Ты должен его выслушать и понять. Он всей душой всегда хотел нам помогать как взрослый, – спокойным тоном произнесла женщина.

– Я попытаюсь... но не обещаю.

Родители Ганса тоже вышли из дома и увидели, как старик уже помогал тащить раненого бедолагу, которого нашёл Ганс.

Пока старейшина следил за гостем, а Софа обрабатывала раны, Вольф отвёл сына на расспросы.

– Ты понимаешь, что это опасно? Мало ли что с тобой могло произойти!

– И что дальше, отец? Предлагаешь до твоего возраста у матери под юбкой сидеть? Я хочу быть полезен.

– Ты и так нам помогаешь в лагере.

– Ага, помогаю, делая то, что делают дети и больные. Я хочу уже быть взрослым, но ты не даёшь мне! Я понимаю, что ты волнуешься, но нельзя меня держать на коротком поводке!

На ругань в дом зашла Софа.

– Что вы тут устроили? Ты его ещё розгами высеки. Я кажется тебе говорила: спокойнее будь, Вольф.

Мужчина махнул рукой и с недовольным видом вышел на улицу.

Ганс с обидой смотрел на беззвучный танец языков пла-

мени в печи.

– Послушай меня, сын... – Женщина нежно, с материнской заботой, приобняла парнишку за плечи. – В чём-то он прав: это рискованно. Но всё равно ты молодец. Ты собрал немало полезных находок и спас человека. Человечность в наше время очень важна.

– Как он?

– Стабильно. У него побои и несколько огнестрельных, но важные органы не задеты. Я обработала его раны, мы накормили его. Завтра ты, как нашедший, будешь присутствовать на совете. Если он очухается, сможем расспросить его.

В дом снова зашёл Вольф с небольшим свёртком в руках.

– Сын... я вспылел, прости меня. Ты прав, я должен тебе доверять и принять как равного. В честь этого я дарю тебе вот.

Мужчина протянул свёрток сыну. Развернув его, у парня загорелись глаза. Старенький, давно забывший запах пороха, ещё довоенный пистолет.

– Вот и славно. Я пошла спать. – Софа подошла к мужчине и, поцеловав, шепнула: – Ты хороший отец, я горжусь тобой.

Вскоре ушли спать и остальные.

На следующий день на совете Гансу дали добро выходить на вылазки без спроса. Гости, распросив, узнали, что он из поселения в трёх ночах к югу отсюда, и назвался именем Ищще.

Так пролетело ночей десять. Все занимались делом, как

раньше. Ганс каждый день ходил на вылазки и успешно, а Ишце сидел в его доме и отправлял и принимал по радио сообщения в другие общины.

Однажды ночью Ганс проснулся от шума и криков. Выскочив из дома, он увидел солдат в чёрной форме. Только фонари, блеск оружия и металлических отличительных знаков выдавали очертания силуэтов. Они все были с автоматами на перевес, врывались в дома и вышвыривали жителей прямо из постели на улицу. Ганс вскочил с постели, схватив свой пистолет, мешок, и вылез через противоположное окно, смотревшее на тёмный пейзаж пустоши. Рядом стоял броневик, серый, с крепкой защитой и парой пулемётов. «Вот с какой стороны они приехали. Бежать не вариант, сражаться тоже», – думал Ганс, осматриваясь в поисках вариантов. Парень рылся в мешке, вспоминая, что он лично мастерил шахтёрскую взрывчатку для отца, и молясь, что у него ещё осталась хоть одна.

– Бинго! Одна осталась!

И Ганс начал устанавливать её в пулемётное гнездо, но из машины вышел в плаще и фуражке чёрного цвета офицер с жутким шрамом на щеке.

– Ты заблудился, сынок? – схватив парня за руку, он потянул его ко всем остальным.

Протерев переносицу хладнокровно и устало, он начал речь:

– Неуважаемые жители... помойки. День был долгий, так

что буду краток. Данная земля переходит под собственность Федерации. Прошу освободить участок по-хорошему.

В ответ – лишь тишина.

– Невдупляем, да? Ладно.

Солдат достал нож и, прислонив руку парня к стене дома, одним движением отсёк тому палец.

Софа уже сорвалась с места, только и слышала лязг приклада и резкую боль в голове, упав на землю.

Ганс, нащупав в мешке детонатор, активировал взрывчатку. Грохот взорвавшегося броневика посеял хаос: жители разбежались в разные стороны, прячась за домами, направляясь в пустошь. Солдаты разбились на группы: одни под выстрелы догоняли беженцев, другие огненными смесями и огнеметами сжигали дома.

Офицер, держащий Ганса, спокойно смотрел на всё это, уверенный, что его люди, конечно же, изловят нарушителей или убьют. Ганс же, выхватив свой пистолет, рукоятку ударил солдата в нос.

От неожиданности офицер потерял ориентацию и выпустил парня, прикрывая нос.

Ганс подбежал к матери и помог ей добраться до дома старейшин.

– Послушай меня, сын. В двух ночах к северу отсюда есть старый бункер. Ты должен пойти туда. Эти твари не должны знать о нём. Вот... – женщина сунула руку в карман и достала кольцо, массивное, с непонятным знаком, похожим на

печать. – Покажешь его – тебя должны пропустить. Я буду ждать тебя там. Если меня не будет – ты меня жди.

Ганс не стал спорить – он доверял ей. У неё всегда был план, поэтому она всегда такая спокойная. Он согласился с планом и выбежал из посёлка. Сзади были слышны крики, выстрелы. Обернувшись, он увидел, как его посёлок уже был поглощён пламенем.

«Как же такое могло произойти? Почему сейчас?»

Парень всё шёл и шёл, уставший, без еды и воды. Шёл в основном ночью, днём он искал хоть какое-то пропитание, стараясь не сбиться с курса. Вскоре он добрался до назначенного места, но вместо бункера перед его взглядом была лишь огромная воронка в земле и части обгорелых тел.

Осматривая тела, он так и не обнаружил ничего, хоть близко напоминающего его мать.

Уставший, изголодавшийся, но с облегчением – не найдя трупа родного человека – он рухнул без сознания.

Очнулся Ганс уже в каком-то помещении на шкурах животных, довольно тёплых, с мехом. Скорее всего, это был кабаньер – так называли кабанов из-за того, что природа тут холодная и животные мутировали, чтобы адаптироваться. Кабаньеры были не только с тёплой шкурой, но и с массивными клыками, чтобы ворошить землю в поисках корешков и мелких грызунов. На ящике рядом стояла свеча с плясавшим на ней огоньком, а из дальней комнаты доносился приятный запах – чувствовались нотки тушёного мяса и варё-

ных овощей с какими-то пряными травами.

– С добрым утром, красавица, проснись и пой! – распевая, воскликнул незнакомец, войдя в комнату к Гансу.

В его руках были блюда с какой-то похлёбкой, а сам он был одет в кожаную куртку с наплечниками и накладкой на торс из более прочной и толстой кожи, армейские штаны и сапоги, похожие на те, что носят «псы».

– Это твой ужин. Так, ничего особенного, просто суп с тушёным мясом... собак. Их легче поймать, и забить легко, и не такие агрессивные... Меня Сэм зовут.

Ганс в панике начал рыться в поисках своего мешка.

– Да успокойся ты! Шмотки и пукалку я у тебя забрал ненадолго. Ты не волнуйся, я не из вояк, я мародёр. Давай уже есть, а то помрёшь так.

За ужином Ганс, оправившись, рассказал свою историю до того, как прибыл на место бывшего бункера.

– Так тут всё разрушено ночей семь назад. Я за этим наблюдал, а потом пошёл «трофеи» собирать... страшное зрелище, – уставившись в пустоту, произнёс Сэм. – Ладно, ложись спать. Завтра я проведу тебя до безопасного места, а там и решим, что делать.

Утром, когда всё утихло, ребята собрались и побрели, как сказал Сэм, в безопасное место. Сэм рассказывал истории, как докатился до жизни такой, как его отправили за лекарством, а вернувшись, он обнаружил, что и его жилище зачищено. Внезапно Сэм остановился.

– Слушай, ты что-то рассказывал про раненого бедолагу... а ты видел его в момент, когда на вас напали? Солдаты же всех выставили на площадь.

– Нет. Может, он сбежал? – задумался Ганс.

– Ооо... Ещё как сбежал. Напомни, как он назвался?

– Ищце...

– И, конечно же, в помощь он попросился следить за приёмником или коммутатором, я прав?

– Что ты имеешь в виду, Сэм... хочешь сказать, что он с ними заодно?

– А ты как думаешь? Слишком подозрительно: ты находишь раненого, но важные органы не задеты, и вскоре на вас нападают. А зовут незнакомца Ищце, то есть Ищейка. Это специальный человек из «псов» – выискивает живые поселения, притворяется бедным и потом высылает координаты – и пуф... исчезает. Во как.

– Чёрт...

Ганс в ступоре смотрел не вперёд, а будто сквозь всё. Если сказанное правда, выходит, он сам виноват в том, что произошло. Дыхание становилось тяжёлым, в глазах темнело, и подкашивались ноги.

– Воу, дружище! – Сэм подхватил товарища. – Ты чего? Не нагоняй на себя. Если бы не ты, то кто-нибудь другой. Ранно или поздно это произошло бы всё равно. Слушай, я знаю тут один городок. До него, правда, идти прилично, но мы там спокойно передохнём. Но идти прилично, так что соберись.

Они шли уже ночи четыре – от темноты до темноты. Грязь вперемешку с пеплом под ногами была мягкой, даже немного выбухчей. Ганс давно перестал чувствовать ноги, он просто переставлял их механически, глядя в спину Сэма, так и не отпустив мысли, что из-за него его дом сожгли. Сэм же двигался уверенно, как человек, который знает все пути.

Когда уже совсем стемнело и холодный ветер гнал пепел по воздуху сильнее обычного, Сэм остановился.

– Здесь, – сказал он и ткнул пальцем в сторону покосившейся бетонной трубы, торчащей из холма. – Раньше был водозаборник. Сухой, но крыша есть.

Ганс посмотрел на трубу. Вход зиял чёрной дырой, из которой несло плесенью и сыростью, и нагоняло тоску, как от давно всеми забытой могилы.

– Там кто-то живёт? – устало спросил Ганс.

– Сейчас узнаем.

Сэм вытащил нож и шагнул внутрь. Ганс слышал, как он шаркает сапогами по бетону, как чем-то стучит о стену. Потом тишина. И голос:

– Чисто. Заходи.

– Я, конечно, понимаю, что ты смелый, но кидать нож в неизвестность? А если б там кто-то был?

– Да ладно тебе, Ганс... у тебя же ствол есть. – Сэм улыбнулся и хлопнул попутчика по плечу.

Внутри было тесно и сыро. Стены покрыты зелёным налётом, на полу – слой сухой грязи, перемешанной с мелкими

костями.

Сэм скинул рюкзак и принялся собирать хлам – сухие ветки, которые натаскало ветром, обрывки бумаги, какую-то труху. Ганс начал подготавливать инструменты, чтобы приготовить хоть что-то более-менее съедобное.

Сэм сидел напротив и пытался высечь искры, чиркая ножом о камень. Ганс собрал пучок грибов-могиловиков. Их так называли, потому что в основном они росли на «могилах» – домирных времён, опустошённых войной местах. Съедобные, если хорошо отмочить и подольше варить.

Сэм чиркнул камнем раз, второй. Посыпались искры, сухой трут задымился, и через минуту в бетонном мешке заплясал слабый оранжевый огонёк. Сэм подбросил веток, и огонь разгорелся, осветив лица.

Они сидели молча. Огонь трещал и шипел, выгоняя из трубы холод. Ганс протянул руки к пламени и почувствовал, как пальцы начинают оживать.

Ганс, сделав из веток таганок, поставил на него вариться замоченные могильники.

Сэм смотрел на огонь, но взгляд будто просматривал воспоминания.

– Ты всегда такой? – спросил Ганс.

– Не, ток по праздникам. Проясни, «такой» – это какой?

– С юмором, побратимый.

Он перевёл взгляд на Ганса:

– Я просто... не вижу смысла унывать. Мы живы, еда есть,

крыша и очаг есть. Сидим, греемся. Нормально.

– А раньше? – Ганс не отводил взгляда. – Ты говорил, что не застал, как твой дом сожгли.

Сэм отвернулся к огню. Несколько секунд молчал, потом полез в рюкзак и достал потёртую флягу.

– Наврал. Не буду же первому встречному душу изливать, – сказал он, откручивая крышку. – Я был караванщиком. Три года назад. Ходил с обозом от Архума до Южных рудников. Торговали запчастями, патронами, иногда лекарствами.

Сэм глотнул из фляги, поморщился, протянул Гансу.

– Нас перехватили. Мы таких зовём «Зайцы». Это такие же отбросы, как мы, только с оружием. Расстреляли всех, кто был снаружи. А я... – он покачал головой. – Я сидел внутри повозки и слушал, как они умирают. Думаешь, я храбрец?

Ганс молчал. Фляга была тёплой в руке. Он тоже глотнул – жидкость обожгла горло, оставив после себя вкус горелого сахара и какой-то травы, и растекалась жгучим следом по горлу.

– Что за микстурка?

– Самогон на грибах. Не пробовал, разве?

– У нас была только настойка на папоротнике из керосина.

Они снова замолчали. Ганс посмотрел на свои руки. Грязные, сбитые, пальцы дрожали от усталости.

– У меня был отец, – сказал он тихо. – Он работал в шахте. Приносил домой в основном угольные камни и иногда светящиеся. Говорил, что там, под землёй, есть что-то, чего не

видят наверху.

Сэм поднял бровь:

– Светящиеся камни?

– Да. Старейшина ругался на него, когда он приносил их. Боялся, что радиация. А он говорил, что это... – Ганс замолчал, вспоминая. – Он говорил, что это «память». Я не понял тогда.

– Может, он был сумасшедшим, – сказал Сэм. – Шахтёры часто сходят с ума. Темнота, радиация, газ. Мозг плавится.

– А если нет? Он был моим отцом. И я не знаю, жив ли он сейчас.

Сэм долго смотрел на него. Потом выдохнул и отвернулся к огню.

– Потерянных и мёртвых одинаково жалеть, – сказал он тихо. – Они уже там, где мы будем. Вопрос только когда и где.

– С юмором у тебя лучше, чем с философией.

Сэм хотел что-то ответить, но не нашёл слов, а только посмеялся, смотря, как ветки прогорают и осыпаются пеплом. Совсем как тот, что покрывал землю снаружи.

– Ну а у тебя есть семья? – спросил Ганс.

Сэм усмехнулся. Громче, чем в прошлый раз. Но в этой усмешке Ганс услышал что-то другое – не сарказм, а усталую горечь.

– Была, – сказал Сэм. – Брат с сестрой. Они остались в том обозе, там, где «Зайцы» нас и разлучили. Я ушёл через

задний люк... Успел, блядь. Один.

Он замолчал и уставился в огонь.

– И с тех пор ты один? – осторожно спросил Ганс, накладывая грибы по тарелкам.

Сэм резко поднялся, прошёлся по бункеру, потом остановился у входа и посмотрел в темноту.

– Да. Есть такое... – сказал он, не оборачиваясь. – В городе опасно находиться таким, как мы. Крупные города принадлежат синдикату. До тебя я бесцельно бродил по пустоши. И зачем я теперь тебе помогаю... может, чтобы не сойти с ума совсем.

Он вернулся к огню и сел, взяв тарелку с грибами. Достал из рюкзака кусок вяленого мяса, разделил и протянул половину Гансу.

– Короче, ужинаем и на боковую. Путь ещё не близкий.

Ганс взял мясо. Оно было жёсткое, солёное, пахло дымом. Но хорошо сочеталось с отварными могильниками, которые были почти безвкусными.

– Спасибо, – сказал он.

– Не благодари, – Сэм усмехнулся и начал поглощать пищу, как голодный кабаньер.

После ужина они лежали на голом бетоне, подстелив под себя рюкзаки. Огонь догорал, и в бункере становилось холодно. Ганс смотрел в потолок, где трещины складывались в узоры.

– Сэм? – позвал он.

– М?

– А если бы я в тот день не очнулся?

Сэм хмыкнул в темноте:

– А если бы крысы научились летать, мы бы все прятались под землёй. Хотя... это вполне реальный сценарий в наши дни. Не парься. Если б ты не очнулся, у меня было бы пропитание ещё на пару-тройку недель.

Ганс закрыл глаза. Мысли всё ещё кружились об отце, о горящем по его вине посёлке, о матери, которая неизвестно, жива ли. Но тело требовало отдыха, и он провалился в сон быстрее, чем хотел.

Ему снился дом, родители и строгий старейшина – и вся эта картина, объятая пламенем с криками на фоне.

Он проснулся от холода.

Огонь потух. В бункере было темно и сыро. Сэм сидел у входа, спиной к нему, и смотрел наружу, где за слоем пепла начинался новый день.

– Вставай, спящая красавица, – сказал он, не оборачиваясь. – Путь неблизкий.

Ганс поднялся. В голове гудело, во рту был привкус самогона и вяленого мяса. Собрал рюкзак, поправил куртку и вышел вслед за Сэмом.

Они шли второй день, когда земля начала меняться. Пепел стал влажным, потом мокрым, потом превратился в серую жижу, которая чавкала под ногами. В воздухе повис запах – кислый, металлический, с привкусом чего-то гнилого.

Сэм остановился на небольшом возвышении и долго смотрел вперёд. Перед ними расстилалась равнина, покрытая бурыми кочками, между которыми поблескивала чёрная вода. Ни деревьев, ни кустов, только низкий туман, стелющийся по земле, и редкие кривые столбы, похожие на обглоданные кости.

– Топи, – сказал Сэм. – А ведь раньше здесь была река. Потом пришла радиация, пепел, трупы животных испортили это место, и река стала гнилой. Теперь тут ничего не живёт. Кроме того, что умеет плавать в такой среде.

Ганс шагнул вперёд и посмотрел на воду. Она была чёрной и неподвижной, как стекло. На поверхности плавала маслянистая плёнка, а в воздухе висели мелкие пузыри, которые лопались с едва слышным шипением.

– Есть идеи?

– По кочкам, – Сэм ткнул пальцем в сторону кривой тропы, состоящей из рыжих камней и кусков бетона, торчащих из воды. – Иди строго за мной. Наступаешь только туда, куда я наступил. Одно неверное движение – и ты уйдёшь вниз, а вытаскивать тебя бесполезно.

– Почему?

– Потому что внизу вода сожрёт тебя. Если я попытаюсь тебя вытянуть, меня вместе с тобой засосёт. Болото тут прожорливое.

Сэм шагнул на первый камень. Тот качнулся, но устоял. Он перешёл на следующий, остановился и обернулся:

– Давай, не бзди. Только медленно. Смотри под ноги, но не смотри на воду. Если будешь пялиться в неё, начнёт кружиться голова.

Ганс сделал шаг. Камень под ногой был влажным, скользким, но держал. Он перевёл дыхание и шагнул снова. Вода рядом колыхнулась, и по ней пошли круги.

– Красава, – сказал Сэм. – Давай в том же духе.

Они двигались медленно. Сэм шёл уверенно, как по ровной дороге, его сапоги находили опору без колебаний. Ганс же каждый раз проверял камень ногой, прежде чем перенести вес. Сердце колотилось, в ушах шумела кровь.

На середине топи Ганс поскользнулся. Камень под левой ногой дрогнул и ушёл вниз. Он взмахнул руками, теряя равновесие, и почувствовал, как холодная жижа касается его лодыжки.

– СТОЙ! – крикнул Сэм. – Не дёргайся!

Ганс замер. Вода поднималась выше щиколотки, обжигая холодом и какой-то противной щекоткой. Он смотрел в чёрную муть и видел, как там, в глубине, что-то шевелится. Длинное, тёмное, оно проплыло под его ногой и исчезло.

– Медленно, – Сэм говорил тихо, но твёрдо. – Перенеси вес на правую. Только не отпускай левую резко – плавно.

Ганс сжал зубы. Он сделал так, как сказал Сэм, – медленно, плавно, словно учился ходить заново. Камень под левой ногой выскользнул и ушёл в воду с глухим хлопаньем. Но правая нога держала.

– Вот так вот, – Сэм чуть заметно кивнул. – Теперь сюда.

Ганс переступил на следующий камень, и ещё, и ещё. Когда его сапог коснулся твёрдой земли, он рухнул на колени и задышал часто-часто, чувствуя, как дрожат руки.

Сэм стоял рядом, скрестив руки на груди.

– Ну ты меня и напугал... Научись дышать, – сказал он. – Ровно. Вдох – шаг. Выдох – шаг. Если задержишь дыхание – замрёшь, а замрёшь – упадёшь. И тогда я буду искать нового напарника.

– Я... чуть не упал, – выдохнул Ганс.

– Но не упал же. Пошли.

Ганс поднялся и посмотрел на свои сапоги. Они были покрыты чёрной слизью, и от неё шёл резкий, химический запах.

– Что это за херня? – спросил он. – Она же не просто грязная.

– Кислота, – сказал Сэм. – Радиоактивные отходы, которые сбрасывали ещё до войны. Сейчас они смешались с грунтовыми водами. Так что не пей из лужи – кислёнышем станешь. – Расхохотавшись, Сэм пошёл дальше.

Берег стал суше, кочки сменились жёсткой, выжженной травой. Туман редел, и впереди показались очертания леса – сухие, скрюченные стволы без листьев, серые, как пепел.

Ганс оглянулся назад. Топи остались позади. Но где-то там, в чёрной воде, он всё ещё видел тот силуэт, который проплыл под его ногой.

– Сэм, а что там было? – спросил он. – В воде?

Сэм хмыкнул и сплюнул на землю:

– Если ты про то, что проплыло, – не знаю. Не разглядывал. Тот, кто смотрит, не выходит.

Ганс сглотнул. Он хотел сказать, что он всё-таки увидел краем глаза, но промолчал.

Дорога, которую они нашли, была старой, разбитой, с глубокими трещинами, в которых застрял пепел. По краям торчали ржавые столбы с обрывками проводов, которые когда-то тянулись к горизонту. Теперь они просто висели в воздухе, как паутина.

Ганс шёл, глядя под ноги. Сапоги стёрлись до дыр, от воды из топей остался только запах – он въелся в кожу и не выветривался. Он чувствовал его даже во сне, если ему удалось заснуть.

– Стой, – сказал Сэм и поднял руку. – Слышишь?

Ганс замер. Сначала он услышал только ветер, потом – скрип, дребезжащий, металлический, ритмичный. Как будто что-то тяжёлое волочили по земле.

– Это телега, – сказал Сэм. – Кто-то идёт нам навстречу.

– Псы?

– Ага, запряжённые в колесницу, – саркастически обронил Сэм. Он прищурился. – Псы на колёсах не ездят. Это торговец или бродяга. Но всё равно давай осторожнее.

Они сошли с дороги и спрятались за ржавыми обломками грузовика, который когда-то давно сгорел и превратился в

кучу металлолома. Ганс смотрел через дыру в кабине.

Из тумана выкатилась телега. Её тащила тощая старая мулица – мутировавшая лошадь с серой жёсткой шкурой, мощными конечностями и вытянутой мордой. Телега была завалена тряпьем, ящиками и какими-то железяками, а наверху, среди этогохлама, сидел старик. Он был одет в поношенный плащ с множеством заплат, на голове – засаленная кепка, изпод которой торчали седые волосы и тянулся тонкий серый дымок.

Старик не заметил их. Он просто сидел, покачиваясь в такт движению телеги, и что-то бормотал под нос.

– Грег, – выдохнул Сэм и вышел из укрытия. – ГРЕГ!

Старик вздрогнул, дёрнул поводья. Мулица остановилась и уставилась на Сэма мутным безразличным глазом.

– Сэмюэль, ты шоль? – Старик прищурился, потом расплылся в беззубой улыбке, чуть не обронив дымящуюся самокрутку. – Чтоб тебя кабаньер унёс! А я-то думал, ты уже сгинул где-нибудь! А ты живой, сволочь ты этакая!

Он спрыгнул с телеги и, прихрамывая, подошёл к Сэму. Они обнялись коротко, будто давно разлучённые друзья, хлопнув друг друга по плечам.

– Ну и куда мы таким составом? – спросил Сэм. – Ты же в Архуме гнил.

– Гнил, – Грег сплюнул на землю. – Оттуда все валят, кто может. «Псы» этот город под свой зоркий глаз взяли, ясное дело. Пришли, возвели свои вышки, и теперь ни пройти, ни

проехать. Только если по верхам.

– Ну это ожидаемо, – Сэм кивнул. – Мы, кстати, туда идём.

– Знаешь, Сэм, есть и получше способы умереть, – Грег покачал головой. – Там теперь не жизнь. Они ищут кого-то. Или что-то. Ни войти, ни выйти.

Грег перевёл взгляд на Ганса и окинул его цепким, оценивающим взглядом:

– А это что за экспонат?

– Ганс, – ответил тот. – Из посёлка у южных шахт.

– Эвоно как, – Грег снял кепку и почесал лысину. – Со-чувствую, парень. Я проезжал мимо, когда бежал из Архума. Пепел ещё дымился.

Ганс стиснул зубы. Он хотел спросить, видел ли Грег его мать, но слова застряли в горле.

– Слушай, Грег, – сказал Сэм. – Ты же много где был. Знаешь, чего у «псов» такая охота? Чего они шумиху устраивают?

Грег оглянулся по сторонам, словно боялся, что их кто-то подслушает. Потом махнул рукой на телегу:

– Прыгайте. Расскажу, пока едем до старого моста. Там я поворачиваю на север.

Они залезли на телегу. Мулица вздохнула и поплелась дальше, волоча копыта по разбитому асфальту. Ганс сидел на ящике и слушал.

– Значит так, – начал Грег, понизив голос. – «Псы», как я слышал, – это такая группировка силовиков, малые чины,

что-то вроде полицаев. Синдикат их снабжает или Имперцы – я точно не знаю, какая из верхних шавок. Но факт: они не просто чистят посёлки. Они ставят механизмы. Такие, высокие, хромированные. И бурят землю.

Ганс насторожился:

– Бурят?

– Агась. Я видел одну такую, когда проезжал мимо. Они там что-то ищут. Насосы стоят, трубы в землю уходят. А вокруг только «псы» с автоматами.

– Воду? – предположил Сэм.

Грег усмехнулся, и его беззубая улыбка стала почти жуткой:

– Воду, говорит. Да там, где они бурят, воды никогда не было. Это старые шахты, Сэм. Там под землёй пустоты. И эти пустоты им нужны. Я не знаю зачем, но они туда спускают «кротов» – специальная организация, совсем молодая, с крутым оборудованием. И те возвращаются не все. Однажды я видел, как они вытаскивали ящики. Большие, железные. Запломбированные, с печатями.

Ганс почувствовал, как холодок пробежал по спине. Он вспомнил отца. Камни, которые тот приносил из шахты. «Память», – говорил он. «Под землёй есть то, чего не видят наверху».

– Печати? – переспросил Ганс. – Какие печати?

– Старые, ещё довоенные, – Грег пожал плечами. – Я не разглядел, но это точно были они.

Телега остановилась. Впереди виднелся разбитый мост через сухое русло реки. С одной стороны моста дорога уходила вверх, к северу. С другой – на юг, к Архуму.

– Мне дальше туда, – сказал Грег, указав на север. – А вам, значит, в Город.

Сэм спрыгнул с телеги, за ним спрыгнул и Ганс. Грег протянул им мешок:

– Возьмите. Там кое-какие припасы. Сэм, с тебя бутыль.

– Запиши, – усмехнулся Сэм.

Грег хлопнул поводьями, и мулица медленно потянула телегу на север. Он обернулся и крикнул:

– Ржавый Коготь! Это за Архумом. Там моя лавка. Просто скажете, что от Грега, если что вдруг!

Телега скрылась в тумане. Ганс стоял и смотрел ей вслед, сжимая в руке мешок, подаренный торговцем.

– Что он там говорил? – спросил Ганс. – Про шахты и печати?

– Да хрен его знает, – Сэм посмотрел на юг, туда, где за пеленой тумана угадывался Архум. – Но у меня плохое предчувствие.

– Ладно, об этом потом думать будем. Тогда нам надо попасть в город, – сказал он. – Может, и узнаем, что они ищут.

Сэм усмехнулся и хлопнул товарища по плечу.

Они пошли по дороге к Архуму. Сзади, в тумане, еле слышался скрип телеги и тихое хриплое пение старого Грега.

Они вышли к городу на рассвете. Точнее, Ганс понял, что

это рассвет, только когда небо над горизонтом стало чуть светлее – не серым, а тёмно-сизым.

Архум устрашающе, постепенно приветствовал путников издали: рваные силуэты зданий с крышами, похожие на сло-манные зубы, трубы, из которых тянулись ввысь тонкие линии дыма.

Город ощущался спящим.

Товарищи стояли на холме в сотне метров от окраины. Сэм глядел в увеличительный окуляр. Внизу, у въезда, горели два костра в металлических бочках. Рядом стояли четверо солдат в чёрной форме, с автоматами на груди. Один из них курил, мелькая красным светлячком тлеющей самокрутки, другой чистил оружие, поблёскивая хромированным шомполом, остальные просто о чём-то беседовали.

– А вот и пост, – протяжно сказал Сэм. – Раньше его не было.

– Я так понимаю, на гостеприимство не рассчитывать?

– А мы наглые. – Сэм усмехнулся. – Смотри туда.

Он показал на крыши. Ганс проследил взглядом и увидел, как по краям домов, над улицами, перекинуты доски и металлические листы. Между зданиями висели верёвки, на некоторых болтались тряпки – то ли бельё, то ли сигнальные ленты.

– А вот и наш путь, – сказал Сэм. – «Дорога контрабандиста». Раньше, когда тут были просто полицаи, она очень помогала. Теперь нелегалы не рискуют.

– Ладно, топаем.

Они обогнули город с востока, где стена была ниже, а забор из колючей проволоки висел, почти касаясь земли. Сэм подошёл к стене, подпрыгнул, ухватился за край и подтянулся. Он оглянулся на Ганса, потом бесшумно перекатился через стену и исчез.

Ганс перекинул Сэму мешки и перепрыгнул вслед за ним.

С улицы доносился шум – редкий, будто город спал. Но где-то в глубине послышался лязг металла и женский крик, который быстро оборвался.

– А тут всё неладно, – прошептал Ганс.

– Что, хочешь спасти принцессу?

– Я похож на идиота?

– Ну, если немного, – усмехнулся Сэм.

Они вскарабкались на крыши и аккуратно пошли по когда-то безопасным путям. Раньше Ганс думал, что крыши – это ровные поверхности. Оказалось, нет. Они были ломаными, проржавевшими, покрытыми мусором и пеплом. Иногда под ногами прогибался металл, и Ганс чувствовал, как сердце ухает в пятки.

Они шли, перепрыгивая провалы, перелезая через трубы и балки. Ганс смотрел вниз и видел улицы, по которым раньше, наверное, ходили люди. Сейчас там было пусто. Иногда проезжала машина – серая, тихо рычащая подобно злой гончей, – и Ганс сразу приседал и старался не двигаться.

Сэм хоть чувствовал себя увереннее, но тоже замирал от

каждого странного звука.

Минут через двадцать они спустились в узкий переулок, зажатый между двух старых зданий. Воняло аммиаком и чем-то кислым. Сэм постучал в обшарпанную дверь – два коротких лёгких стука.

Дверь приоткрылась, и в щели показалось лицо женщины средних лет с повязкой на правом глазу.

– Сэмюэль, – сказала она так, будто ждала этой встречи. – Я молилась, что больше тебя не увижу.

– Я тоже рад тебя видеть, – он скользнул внутрь и потянул Ганса за собой. – Ты ещё держишь комнаты?

Женщина закрыла дверь и задвинула засов:

– Я надеюсь, в этот раз ты хотя бы мне заплатишь. Только натурой не принимаю.

Сэм достал из кармана горсть патронов и протянул ей.

– Эй, ты помнишь, что у нас не арсенал в мешке? В стволе без патронов только гвозди забивать, – возмутился Ганс.

– Увы, – Сэм пожал плечами. – Дама сказала, что натурой не принимает.

– Давайте тихо. Третья дверь справа по коридору. Но что-бы тише мыши. Сверху офицеришка, сучек. Он хоть только и делает, что бухает и дрыхнет, но если будете шуметь – я вас сама выкину.

– Ладно, не бурчи. Будем паиньками. – Сэм махнул хозяйке, и они пошли по тёмному коридору к своей двери.

Комната была маленькой, сырой, с одним окном, заклеен-

ным бумагой. У стены стояла железная кровать, на ней – тюфяк с соломой, рядом табурет и стол с коптилкой, в которой уже догорал фитиль.

Сэм зашёл, закрыл дверь и выдохнул с лёгкостью впервые за всё время, будто скинул с себя огромную ношу.

– Нормально, – сказал он. – Живём ещё.

Ганс сел на кровать. Пружины жалобно скрипнули. Он посмотрел на свои руки – грязные, с обломанными ногтями, с запёкшейся кровью на костяшках. Он не помнил, где поранился. Может, в топах. Может, когда лез через стену.

– Что ты, как ты? – спросил Сэм.

Ганс поднял взгляд. Сэм стоял у окна, смотрел в щель между бумагой и подоконником.

– Я думал, это будет безопаснее, – сказал Ганс тихо. – Ты сказал, Архум – безопасное место.

– Ну, если будешь тихо себя вести – мы в безопасности.

– И что теперь?

Сэм отвернулся от окна и сел на пол, прислонившись спиной к стене:

– Теперь мы думаем. Знаю я одного человечка. Он работает в таверне, внизу. Он может помочь.

– Ему можно доверять?

– Доверять? – Сэм усмехнулся. – Хотелось бы верить, что старому товарищу ещё можно доверять.

– А если что-то пойдёт не так? Если помнишь, ты расплатился патронами за комнату.

– Да не ссы ты, придумаем.

Ганс посмотрел на коптилку. Огонёк плясал, отбрасывая тени на стены. Он вспоминал о матери, о том, что она могла быть ещё жива.

Лёжа на кровати и уставившись в потолок, Ганс увидел, что на сером бетоне кто-то когда-то нарисовал углём птицу. Крылья у неё были сломаны, но она всё равно летела.

– Ерунда какая, – буркнул он.

Через какое-то время, отдохнув, они спустились в таверну. Она находилась в подвале – небольшое помещение с несколькими столами, покрытыми клеёнкой. Свет давали две керосиновые лампы. Пахло спиртом и чем-то пряным.

За одним из столов сидел худощавый человек в кожаной куртке с нашивкой на плече, которую Ганс не узнал.

– Сэмюэль, – сказал незнакомец, поднимаясь из-за стола. – А я думал, тебя уже нет в живых.

– Все на это надеются, но пока я всех огорчаю, – Сэм хлопнул его по плечу. – Это Ганс. Он со мной. История долгая, так что не проси рассказывать.

Незнакомец протянул Гансу руку, тот ответил рукопожатием:

– Знаю про тебя. Соболезную.

– Не такой популярности я хотел, – ответил парень.

– Меня Мих звать. Я, можно сказать, старый приятель Сэма.

– Я уже не удивлюсь, если и «псы» будут кричать Сэму:

«Ооо, сколько лет, сколько зим!» – пробормотал Ганс.

– И чего же вы хотите? – Мих закурил самокрутку.

– Помощь и инфу.

– Я вас внимательно слушаю, – Мих выпустил густое облако едкого дыма с интересом слушая.

– Какие новости и где ближайшее место поспокойнее, если такое есть?

– Ну, то, что «Псы» сейчас очень активны, вы знаете. Так же про зачистки – правда, они не просто так. На местах общин они устанавливают форпосты и что-то бурят. Ходят слухи, что ищут они довоенные технологии, которые законсервировали предки на случай подобного пиздеца. Никто не знает, что это за технологии – видимо, никто, кроме имперцев. Безопасно покинуть город можно завтра ночью: весь состав срочно высылают на какие-то поиски. Слыхал, что в рядах вояк не всё спокойно и один боец отправился в самоволку, но его подбили, но не суть... А направляться вам нужно в торговый городок Форт Квайет. Идти через свалку придётся – это единственный путь, менее опасный.

– Спасибо, Мих. Я твой должник.

– Естественно... – прошептал Мих.

Встав из-за стола и попрощавшись, Сэм и Ганс отправились обратно в комнату.

Прождав сутки, путники снова двинулись в путь, прочь из города. Всё было так, как и говорил человек из таверны: улицы пустые, даже на посту не было солдат. Так, миновав

Архум, они пошли дальше.

Проходя через свалку, они заметили девушку в чёрной форме отряда «Волк», которая неподвижно лежала на земле у ржавого грузового ящика, наполовину ушедшего под землю, и еле-еле дышала. Подойдя ближе, Сэм увидел, что она серьёзно ранена. Её плечо было вывихнуто, а в боку красовалась рваная рана, но, как ни странно, девушка была всего лишь без сознания – может, потому что из её бедра торчали два пустых шприца, по всей видимости, один с военными стимуляторами.

Сэм осмотрел её:

– Похоже, это и есть боец-самовольщик. Хм... Живая. – Пробормотал парень и позвал своего спутника: – ГАНС! Иди сюда, нужна твоя помощь.

Ганс подбежал к своему товарищу:

– Надо найти укрытие. Возьмём её с собой.

Сэм взял девушку на руки, и они поспешили дальше.

Найдя заброшенный дом в окрестностях, неподалёку от свалки, путники укрылись там. Сэм развёл костёр, подготавливая всё необходимое, и начал оперировать девушку, а Ганс, взяв нож, пошёл осмотреться. Сэм же, достав из мешка Грэга тряпки (они заменят бинты), спирт и «сон кайота» – седативный препарат, которым любят упарываться бродяги в пустоши. Из чего его делают, известно только создателю; смертность от него средняя, но если не борщить, он работает как снотворное. Через шприц от стимулятора Сэм ввёл де-

вушке «сон кайота» и спокойно вправил плечо. Рваную рану обработал от осколков и, продезинфицировав спиртом, перебинтовал. К этому времени вернулся Ганс с пойманной собакой и каким-то большим мешком.

– Чего это у тебя? – спросил Сэм.

– Собака.

– Умник, я про мешок говорю.

– Я обнаружил, по всей видимости, её транспорт, ну и набрал барахла. – Как она?

– Жить будет.

Вскоре действие седативного препарата прошло, и девушка наконец очнулась. С глазами, наполненными страхом и ненавистью, она положила Сэма на лопатки и нанесла пару точных прямых ударов по лицу. Удары были профессиональны, и Сэм потерял сознание.

Из-за шума в дом залетел Ганс, сбросил девушку со своего напарника, прижал незнакомку к полу:

– Всё хорошо, мы тебя спасли. Ты была еле жива, – быстро сказал Ганс. – Мы тебя не тронем, мы лишь спасли тебя.

Девушка посмотрела на свой перебинтованный бок, пинком столкнула парня с себя и, отряхнувшись, села на пол.

Неловкая тишина повисла в помещении.

– Ты расскажешь?.. – начал Ганс.

– Не твоего ума дело, – резко оборвала его девушка.

– Имя хоть скажи, а то как-то неприлично, – произнёс Сэм, вытирая кровь с лица. – Это ведь тебя сейчас спохва-

тились искать «псы»?

Сэм поставил тарелку с тушёной собачатиной перед девушкой.

– Тация.

Пустой желудок, изголодавшись, протяжно взвыл, заглушая солдатскую гордость, и девушка, будто непроизвольно поблагодарив, начала принимать еду. Утолив голод и поняв, что перед ней не враги, она уже спокойнее продолжила:

– Я пилот 6-го отряда «Волк». Я дезертировала после того, как отряды «Пёс» и «Койот» уничтожили пост Малаха и ещё один посёлок, на который нам поступила информация от ищейки. Это был мой первый боевой вылет. Я не выдержала, смотря, с какой жестокостью убивают мирных, как вредителей. И поэтому сбежала. Мне это тяжело досталось.

– Я жил в этом посёлке... тот посёлок недалеко от поста Малаха, – с ненавистью в голосе тихо сказал Ганс.

– Как я сказала, я всего лишь выполняла приказ. Если тебе интересны подробности, нужно допрашивать непосредственно «псов», лучше всего офицеров – они в курсе происходящего. Но это почти невыполнимо: где их штабы – неизвестно, и они всё время дислоцируются.

– Ладно, потом придумаем, что делать. Тебе нужно отдохнуть, – сказал Ганс.

Остаток вечера прошёл в тягучей, настороженной тишине. Тация лежала на тряпках, глядя в потолок, иногда прикрывая глаза. Ганс сидел у стены, сжимая в руках кружку с

водой, и смотрел на неё. Сэм возился у печки, грел остатки похлёбки, не оборачиваясь.

– Мне не за что извиняться, – сказала Тация вдруг. Голос сухой, безэмоциональный.

Ганс поднял голову.

– Мне это не нужно. Былое не исправить. Не важно, прощу я тебя или нет.

– Но это не значит, что я не понимаю твои чувства? – она повернула голову и посмотрела на него. В её глазах не было злобы. Только усталость. – Я тоже видела, как горят дома. Приказ есть приказ.

– Это уже не важно, – сказал Ганс тихо.

– Меня бы расстреляли за отказ. И моё место занял бы другой.

Ганс молчал. Он не знал, что ответить.

Сэм подошёл с двумя мисками, поставил одну перед девушкой, другую протянул Гансу.

– Хорош рычать друг на друга, – сказал он. – Сейчас мы все в одном котле.

– А что предлагаешь делать?

– Для начала – смириться с нашей компанией, – сказал Ганс, не поднимая глаз.

Тация посмотрела на него долгим взглядом, потом отвернулась.

– Я пойду с вами, – сказала она. – До ближайшего безопасного города. Затем – прощаемся.

– Как тебе угодно, – сказал Сэм.

Ганс ничего не ответил.

Они поели молча. Тация уснула первой. Ганс вышел наружу, сел на порог, глядя в темноту. Пепел кружился в воздухе, оседая на плечи.

Сэм вышел следом, сел рядом.

– Вот это, конечно, встреча, ага? – спросил Ганс. – Я удивлён, что у неё есть силы огрызаться, не говоря уже о совести.

– А что ты хотел? Военные стимуляторы, – сказал Сэм. – Крепкая штука. Из них такую дурь можно наварить – не то что кабаньера, пустынного волка можно завалить голыми руками. В моей общине варили подобное, только не военные стимуляторы, а самопальные – отвар красного мора... ну знаешь, гриб такой красный с белыми вкраплениями. Смешивали с самогоном из ночного кактуса и мочой кабаньера и дикой собаки. Воняет жуть, но эффект крутой. Интересно, с военными стимуляторами какой бы был?

– Думаешь, мы правильно сделали, что взяли её?

Сэм усмехнулся:

– Мы не брали её. Мы просто не дали ей сдохнуть.

Ганс долго молчал.

– Завтра будет легче, – сказал Сэм. – Или нет.

Утро пришло серое и холодное. Ганс проснулся оттого, что кто-то тряс его за плечо. Он открыл глаза – над ним стоял Сэм. Лицо бледное, глаза широкие.

Сэм поднёс палец к губам, жестикулируя: «Тишина».

Ганс медленно приподнялся и сел на пол. В тишине он услышал голоса. Хриплые, грубые. Металлический лязг.

«Сколько?» – жестом пересчитывая пальцы, спросил он.

«Пятеро», – ответил Сэм, показав открытую ладонь, затем обвёл окружность в воздухе: «Идём в обход».

Указав на заднюю дверь, они тихонько планировали выйти, но их уже ждали. Три чёрных ствола целились им в лица. Ганс поднял руки, сердце колотилось.

– Опа, куда это мы? – противным блеющим голосом произнёс один из солдат.

– Что у нас тут? – спросил старший, подходя ближе.

– Эй! Тут ещё и подарочек! – сказал другой солдат, появляясь из укрытия, где прятались Сэм и Ганс. – Девка. По форме вроде нашинская.

Старший подошёл ближе, заглянул внутрь, увидел Тацию. Она сидела на тряпках, бледная, но смотрела в упор, не отводя глаз.

– Что ж... – Вояка вальяжно подошёл и сел на корточки перед девушкой. – Докладывай, солдат. – Ухмыляясь с издёвкой произнёс он, на самом деле зная про неё уже всё.

У девушки сработал служебный рефлекс, и она выпалила:

– Тация Штигель, рядовой пилот летательной огневой машины класса чистильщик, класса агрессор, позывной «Гарпия», 6-й отряд «Волки».

– Волчица, значит, – Старший ухмыльнулся, достал коммутатор и отправил зашифрованное послание в часть. – Так,

эту – ко мне. Остальных – по плану. Потом разберёмся.

Ганса грубо схватили под руки, заломили локти и поволокли к машине. В кузове уже сидели двое – мужчина и женщина, перепуганные, грязные. Ганс упал на металлический пол, услышал, как лязгнул замок.

Он повернул голову и увидел через щель между бортами, как Тацию ведут к чёрному броневику. Она шла, еле переставляя ноги, но голову держала прямо.

Дверь броневика открылась, оттуда вышел офицер. Чёрная фуражка, плащ, на лице огромный шрам, перекрывающий глаз. Он подошёл к Тации, взял её за подбородок, приподнял лицо к своему, чтобы она смотрела ему в глаза.

Ганс пытался вырваться, бил кулаком по железному борту крытого кузова. Бесполезно. Солдаты даже не обращали на него внимания.

Тация стояла неподвижно. Она смотрела офицеру прямо в глаза, не моргая. Когда он достал нож из-за пазухи и провёл лезвием по щеке девушки, не отрывая глаз и не моргая, в глазах Тации зародился дикий ужас. Этот человек действительно мог запугать отсутствием эмоций.

Офицер только приоткрыл рот, чтобы что-то сказать, как за его спиной раздались два громких хлопка. Один солдат упал замертво, второй схватился за грудь и осел на землю. Из-за ржавого остова машины вышел Сэм с пистолетом Ганса в руках – он его припрятал ещё вечером.

– Ты! – офицер уже рванул к нему, но Тация выхватила

нож из его руки, ударила коленом в пах, а когда он согнулся, вонзила клинок в глазницу.

Он скривился от боли и закричал, схватился за лицо, упал на колени. Девушка навалилась всем телом, провернула нож и резко вырвала. Затем нанесла два удара в горло, и офицер, недолго булькая, затих.

Ганс смотрел через щель в борту. Вдруг двигатель взревел, и грузовик дёрнулся с места, увозя его за горизонт.

Сэм стоял, тяжело дыша. В руке – дымящийся ствол. Рядом – Тация, которая вытирала нож о форму офицера.

– Есть идеи? – спросил он, глядя, как грузовик исчезает за холмом.

Тация смотрела туда же:

– Не знаю. Я не в курсе их планов. Оперативные отряды не делятся инфой. Хотя... Есть идея. Есть один аванпост «псов» на севере. Заброшенный какой-то цех. Они там засели недавно. Охрана, вышки, всё такое.

– То есть...

– То есть это самоубийство, Сэм. – Она посмотрела ему прямо в глаза.

Сэм смотрел, как на горизонте утихали клубы пепла.

Тация молчала. Ветер шевелил её волосы, на лице – свежая царапина от ножа офицера.

– Я знаю, – сказала она. – С одной стороны, не хотелось бы помирать, но с другой...

Она отвернулась и пошла к броневику офицера.

– Прыгай, – сказала она. – Есть мысль.

Сэм посмотрел на горизонт. Грузовик давно уже исчез из виду, и небо уже темнело.

Тация уже сидела за рулём броневика, и через мгновение двигатель зарычал.

Сэм запрыгнул на пассажирское место. Машина рванула по бездорожью, за горизонт.

Глава 2 часть 1 Зарождение зверя

Грузовик с пленниками мчался через пустошь. Ганс сидел и слушал, как водитель с напарником обменивались какими-то бытовыми историями во время службы. Он не ел уже две ночи – видимо, место, куда его везут, находилось очень далеко.

Вдруг, на фоне гула двигателя грузовика, Ганс начал слышать посторонний шум, похожий на низкий рёв чего-то мощного. Он становился всё ближе, всё громче. По панике в голосах солдат и по тому, как соседи по кузову забились от страха в угол, Ганс понял, что ему не мерещится. Он пытался разглядеть в щель кузова, что происходит снаружи и почему грузовик заметно прибавил газу.

Приглядевшись, он заметил два жутких внедорожника. Их двигатели ревели, как дикое зверьё, страдающее в агонии. На капотах красовались головы кабаньеров как трофеи, а из выхлопных труб на мгновение вырывались языки пламени.

Когда один из внедорожников поравнялся с грузовиком, раздалась громкая очередь, пронзающая колёса военной машины. Грузовик не справился с управлением, резко развернулся и рухнул на бок, как подстреленный зверь. Ганса швырнуло о стену кузова. В глазах потемнело, в ушах за-

звенело. Он лежал на холодном железе, чувствуя, как по лицу побежала тёплая струйка крови, оставляя металлический привкус.

От удара дверь кузова распахнулась, и пленные, которые были рядом с Гансом, рванули на свободу. Но автоматная очередь оборвала их планы – оба пленника рухнули, как тряпичные куклы, набитые землёй.

Как только внедорожники подоברались чуть ближе, по ним тут же открыли огонь члены экипажа военной машины. Стреляли не хаотично, а на подавление: когда один расстреливал магазин и перезаряжался, второй тут же открывал огонь, не давая водителям внедорожников предпринять какое-либо действие.

Ганс тихо выбрался наружу и скрылся за кузовом, с противоположной от линии огня стороны. Бежать не вариант – увидят.

Он незаметно подкрался к позиции стрелков.

«Сейчас или никогда».

Сердце бешено колотилось, ладони вспотели. Сжав волю в кулак и рискуя, он набросился на одного из атакующих, схватил нож из его ножен и вонзил в горло. Не теряя времени, уже хотел атаковать второго, но его остановила резкая боль в лице, лязг приклада и привкус металла во рту.

Отдышавшийся боец только наставил на парня дымящийся ствол, как тишину прервал свист, оставивший в голове солдата внушительную сквозную дыру и отправивший тело

на пару метров.

Ганс облегчённо вздохнул, глядя на раненого им солдата, который закрывал горло рукой и булькал при каждом вздохе.

Спрыгнув со своего железного зверя, водитель размялся и уверенно направился на место, откуда стреляли.

– Оппа... – протяжно воскликнул незнакомец.

Перед парнем стояла крупная фигура с сильными руками, в военных брюках и массивных берцах. Ветер трепал его пышную кучерявую бороду, а живот давал понять, что человек явно не голодающий.

– Ты как, парниш? Спасибо, конечно, помог. Если б не ты, застряли бы мы тут надолго. – Мужчина кинул взгляд на убитых пленных. – Мда... жалко бедолаг. За ними мы как раз и отправились. Да, кстати, меня Тор звать.

Мужчина улыбнулся, прищулив глаза, и протянул руку Гансу. Парень ответил на рукопожатие, и Тор рывком притянул его к себе, помогая встать. Улыбка мужчины пропала, и он протянул Гансу свой массивный пистолет.

– Закончи то, что начал, – строго скомандовал мужчина.

Ганс не стал спорить, послушно взял увесистый ствол и нацелился на умирающего солдата. Но выстрелить не решался. Он ударил его в состоянии аффекта, а сейчас не был готов оборвать жизнь, хоть и уже утихающую. Руки его дрожали, и пот вперемешку с кровью капал со лба на серый пепел под ногами.

– Давай! – Тор хлопнул массивной ладонью по плечу Ган-

са, и тут же раздался оглушительный выстрел. Грудная клетка умирающего пса брызнула красным фонтаном, оставив дыру в его теле такую, что туда можно было голову просунуть. Ганс упал от отдачи на спину, выронив оружие. В голове звенело, руки горели и тряслись. Его замутило от осознания, что он впервые оборвал человеческую жизнь. В глазах потемнело – и он потерял сознание.

– Самородок, – усмехнулся бородатый мужчина. – Эй, Мирабэль! Поди сюды!

Из второго внедорожника вскоре подошла к месту встречи черноволосая девушка с выбритым виском.

– Братец, у них припасов нет, а те двое уже... Ого... – промолвила напарница. – Это он наш помощник?

– Агась, – довольно улыбнулся Тор. – Славный малый. Поднатаскать только – и вот тебе новый «побратим».

– Я, конечно, не то чтобы против, всё равно уходить с пустыми руками не кайф, но... что скажет Отец?

– Ой, да не бзди, Мира. Это я беру на себя.

– Ладно, дело твоё. Забираем его и домой.

Ганс очнулся уже в помещении, на уютной лежанке. Рядом стоял столик с тарелкой ещё тёплого мясного рагу – приятный запах наполнял комнату. Голова раскалывалась. Приподнявшись, он взялся за голову, но на ней была повязка.

– Судя по всему, я не в плену, – пробормотал он.

Раздался стук в дверь, и следом вошёл уже знакомый рыжебородый мужчина. Вместе с ним зашла его спутница.

– Ну как он? Очухался? – спросила девушка. – Я Мира. С моим братом ты уже знаком.

– Ганс. Спасибо за спасение.

– Это потом. Ты пока лежи. Мы просто решили проверить, жив ли ещё.

Дверь снова открылась, и в комнату зашёл пожилой мужчина.

– Значит, вот он какой, ваш трофей. Ну-с... будем знакомы. Меня зовут Карон. Я, можно сказать, лидер этой шайки. Мы – «Зайцы». О нас ходят слухи, что мы беспредельщики и бандиты. Но реальность такова, что мы единственные, кто не принял участь смириться с положением быть мусором, и в своё время восстали против угнетателей. Изначально мы конфликтовали с чёрными торговцами, наркокараванами и полициями. Так мы выбились в синдикат. Верхушке не нравится это, и теперь мы боремся с «Псами».

«Зайцы?» – по телу Ганса пробежали мурашки. «Это те самые, которые напали на караван Сэма однажды...»

– Да, ты о нас наслышан? – спросил старик.

«Возмущение показывать не вариант. Я жив благодаря им. Если буду дерзить – они порвут меня», – подумал парень.

– Да так, разные слухи. Думал, вы просто миф.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.